

ЧАСОВЫЕ ПОЯСА И СИНХРОННЫЕ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ: НЕЗАМЕТНАЯ РАБОТА ПО ТЕМПОРАЛЬНОЙ КООРДИНАЦИИ У ГОРОЖАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Ключевые слова: часовые пояса, синхронные телекоммуникации, координация во времени, незаметная работа, Владивосток, Магадан, Дальний Восток, Россия

В статье описывается незаметная работа по координации во времени, выполняемая жителями Владивостока и Магадана для осуществления взаимодействия с партнерами из западных регионов страны в условиях узкого “окна коммуникации”, обусловленного разными часовыми поясами. Авторы анализируют практики пересчета времени, планирования распорядка дня, управления доступностью для общения и окказионального подстраивания взаимодействующих партнеров. Рассматривая работу по координации во времени как продукт развития телекоммуникаций в контексте пространственно-временного неравенства регионов России, вызванного высокой централизацией принятия решений государственными и коммерческими структурами, они приходят к выводу о неравном распределении этой работы между жителями западной и восточной частей страны.

«Вот ты знаешь, что утреннее шоу на “Европе+” начинается в 14:00, когда ты едешь с учебы, и это нормально. Ты ложишься спать не после футбола, а до футбола. Ты идешь мимо вокзала, темно хоть глаз выколи, слышишь, что “скорый поезд такой-то отправляется в 16 часов 23 минуты”, тебе не странно, ты просто мысленно прибавляешь семь. Прибавлять и отнимать семь — это самые часто встречающиеся арифметические действия во Владивостоке» (Город 2013).

На популярном портале pikabu.ru — источнике интернет-фольклора — этот текст о жизни во Владивостоке, озаглавленный “Город, в котором прибавляют семь” (здесь приведен фрагмент), живо комментируют: “...уже 2 года прибавляю 3!”, “...плюсую бро, Россия огромная. Живу в зоне +5, проблемы схожие” (Город 2013). Однако социальных исследований этой части российской жизни нет, за исключением работ, где затрагивались реформы системы исчисления времени в 2010–2016 гг. (Алексеев и др. 2012; Звоновский 2010; Никонорова, Казаков 2016) и некоторые исторические аспекты становления этой системы (Ермолаев 2016; Шенк 2017).

Тема часовых поясов и разницы во времени обычно вплетается в исследование следующих сюжетов: символическая политика государств, соотношение современного и биологического времени, глобализация и транснациональные коммуникации.

Анастасия Игоревна Карасева | <https://orcid.org/0000-0001-9208-9142> | akarasyova@eu.spb.ru | младший научный сотрудник Центра социальных исследований Севера | АНООВО “Европейский университет в Санкт-Петербурге” (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Мария Петровна Момзикова | <https://orcid.org/0000-0003-0066-5937> | mmomzikova@eu.spb.ru | ассоциированный научный сотрудник факультета антропологии | АНООВО “Европейский университет в Санкт-Петербурге” (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [проект № 18-05-60108]

В работах о символической политике времени часовые пояса рассматриваются как инструмент, с одной стороны, для конструирования нации, с другой — для построения партнерских отношений с одними контрагентами и отмежевания от других (Edensor 2006; Hassid, Watson 2014; Rau 2002). Исследования модернизации времени показывают, каким образом часы и календарь подчиняют себе ритмы биологической жизни (Adam 1998; Birth 2017; Zerubavel 1985), в частности, способствуя производству представлений о контртемпоральностях локального времени в колониальных контекстах (Barak 2013; Wishnitzer 2015). В дискуссиях о глобализации и транснационализме центральную роль играет связка между временем и способами коммуникации: общим местом стало утверждение об ускорении времени и сжатии пространства благодаря появлению новых технологий связи.

Вместе с тем исследования в области географии времени показывают, что в условиях развития новых технологий связи пространственно-временные ограничения на общение не исчезают. Предложенная классификация режимов коммуникации (Harvey, Macnab 2000; Yu, Shaw 2007) (Табл. 1) позволяет анализировать коммуникацию и ее ограничения на очень высоком уровне обобщения, например рассматривать “темпоральную доступность” (Harvey, Macnab 2000) людей, находящихся в пределах страны в конкретные часы. Авторы отдельных статей указывают на совпадение биологических циклов (дня и ночи, приравниваемых к бодрствованию/сну) участников коммуникации как основное условие темпоральной доступности, необходимой для общения (Birth 2007; Harvey, Macnab 2000).

Таблица 1

Режимы коммуникации в зависимости от пространственно-временных ограничений
(Yu, Shaw 2007: 106, пример адаптирован)

	Время	Синхронно	Асинхронно
Пространство			
Физическое присутствие		Встречи лицом к лицу	Записки на холодильнике Медицинские карточки
Телеприсутствие		Мгновенные сообщения Телеконференции	Электронные письма Веб-страницы

Именно в контексте развития технологий синхронного телеприсутствия предметом анализа становится разница во времени, рассматриваемая как препятствие для коммуникации в глобальном мире — в профессиональной (Alzoubi et al. 2015; Kroll et al. 2013; Nguyen-Duc et al. 2015; Tang et al. 2011) и семейной (Baldassar 2008; Burrell 2008; Cao 2012) сферах. Главным образом ее проблематизируют и исследуют специалисты в области разработки ИТ, которые хотя и собирают богатую этнографию, но не концептуализируют ее в терминах незаметной работы по обеспечению этой коммуникации, обусловленной отношениями власти и неравенства между ее участниками. В социальных исследованиях анализируются в основном радикальные примеры таких отношений внутри глобального разделения труда, когда работники корпораций в странах второго и третьего мира вынуждены полностью менять распорядок своей жизни, подстраиваясь под времена стран первого мира, где живут работодатели и основные потребители их продукции (Nadeem 2009; Reese 2008; Birth 2007).

Случай Дальнего Востока России, как мы подробнее покажем дальше, специфичен в нескольких отношениях. Тогда как большинство исследований концентрируется на тех людях, которые имеют либо рабочие, либо семейные контакты с проживающими в других часовых поясах, Дальний Восток позволяет изучать и тех, кто поддерживает оба типа связей. При этом множественные и разнородные коммуни-

кации ведутся с людьми преимущественно из одного часового пояса — московского. Столичная привязка наделяет такое взаимодействие дополнительными смыслами, помещая его в конкретное политико-географическое пространство. В отличие от отделений корпораций в Индии или на Филиппинах, где разница во времени с головной организацией затрагивает только графики сотрудников, на Дальнем Востоке разница во времени с Москвой в той или иной степени ощущается почти всеми образованными горожанами.

В данной статье мы проанализируем темпоральные практики жителей двух городов Дальнего Востока — Владивостока и Магадана, обусловленные необходимостью синхронной коммуникации с людьми из другого часового пояса, главным образом московского. Для анализа мы будем использовать концепцию “незаметной работы” в виртуальном пространстве, предложенную Генрихом Шварцем, Стивом Уиттакером и Бонни Нарди (*Schwarz et al.* 2000). Исследователи указывают, что в противовес распространенным суждениям о приносимой развитием технологий свободе и продуктивности рабочая нагрузка на индивида растет и большая часть этой нагрузки остается скрытой, в т.ч. от самого индивида, не считающего ее частью работы. Ученые выделяют три основных вида незаметной работы в виртуальном пространстве, подчеркивая, однако, условность этого разделения: работу с социальными сетями (и, как ее часть, координацию действий с партнерами по рабочим проектам), работу по установлению границ между трудом и отдыхом и технологическую работу. Предложенная ими классификация определяется задачей описать скрытую нагрузку в виртуальной работе.

Для целей нашего исследования, выходящего за рамки рабочей коммуникации, мы сосредоточимся на одном типе незаметной работы — координации во времени для осуществления синхронного общения с другой часовой зоной. Мы рассмотрим основные неудобства для владивостокцев и магаданцев, создаваемые необходимостью связываться с другим поясом (преимущественно московским), и темпоральные практики, позволяющие справляться с этими неудобствами, покажем, что координация во времени происходит при организации любых коммуникаций с удаленной часовой зоной, и в конце статьи предложим гипотезу о темпоральном неравенстве и неравном распределении этой незаметной работы в политико-географических условиях России.

Нашими методами сбора данных были полуструктурированные интервью, в т.ч. групповые, продолжительностью от 10 минут до нескольких часов, наблюдение и самонаблюдение. В Магадане Анастасией Карасевой (далее — АК) взято 65 интервью в марте 2017 г., во Владивостоке Марией Момзиковой (далее — ММ) — 50 интервью в апреле 2017 г.; информанты — мужчины и женщины в возрасте от 17 до 80 лет, преимущественно с высшим образованием, занятые в разных сферах деятельности и имеющие разный уровень квалификации.

Часовые пояса, телекоммуникации и политика времяисчисления в России

Географически Россия — самое протяженное государство в мире. Ее территория включает 11 часовых зон¹: от МСК-1 (UTC+2) — Калининградская обл. до МСК+9 (UTC+12) — Камчатский край и Чукотский автономный округ. Институциональное единство страны определяет необходимость коммуникации на ее территории как минимум для сотрудников госорганов и корпораций. Российское государство и вслед за ним крупный бизнес сильно централизованы: большая часть решений принимается в западной части страны, в московской часовой зоне. Разница во времени с регионами Дальневосточного федерального округа (ДФФО), где эти решения хронологически реализуются первыми, при этом составляет от шести до девяти часов.

Можно предположить, что в условиях быстрого развития интернета, в частности технологий мгновенного доступа (таких как видеоконференцсвязь, вебинары, мессенджеры), и растущей цифровой модернизации управления синхронные телекоммуникации с людьми, находящимися в других часовых поясах и, следовательно, на иной стадии суточного биологического цикла, стали более распространенными на Дальнем Востоке.

Связи дальневосточных регионов с регионами, относящимися к столичному часовому поясу, многообразны. Во-первых, это рабочие взаимодействия, которые характерны не только для высокопоставленных госслужащих и руководителей подразделений крупных организаций (банков, операторов мобильной и интернет-связи, логистических компаний), но и для рядовых работников этих структур, а также для учителей, медсестер, юристов, психологов, людей, занятых в малом бизнесе в сферах ИТ, торговли, онлайн-преподавания. Плотность этих контактов в различных сферах деятельности разная: от нескольких раз в месяц у педагогов и директора детского сада, слушающих обязательные для повышения квалификации вебинары, до ежедневных — у владельца небольшой ИТ-компании, взаимодействующего со своими сотрудниками в западных часовых поясах. Важно подчеркнуть, что коммуникации по рабочим вопросам актуальны для довольно широкого круга жителей Дальнего Востока.

Во-вторых, восточные и западные регионы страны объединены родственными и дружескими связями. Демографические исследования “западного дрейфа”, т.е. перемещения людей с востока Российской Федерации на запад, показывают, что миграции из ДВФО направлены преимущественно в субъекты Центрального (40 тыс. чел. в 2011–2013 гг.), Южного (26,9 тыс. чел.) и Северо-Западного (23,1 тыс. чел.) федеральных округов, которые располагаются в московской часовой зоне (*Захаров* 2015: 324). С переездом связи между людьми не обрываются, а поддерживаются с помощью технологий мгновенного доступа, главным образом через голосовые сообщения и чаты в WhatsApp — самом популярном мессенджере в целом ряде регионов ДВ (см., напр., о Сахалинской области: *Бородулина* 2018; о Якутии: *Уродов* 2016). Если рабочие коммуникации затрагивают не всех, то личные контакты с родственниками и друзьями из других регионов в силу богатой миграционной истории Дальнего Востока есть почти у каждого жителя.

В-третьих, людей из разных часовых поясов связывает просмотр в прямом эфире различных событий (значимых спортивных и культурных мероприятий, праздников) или телепередач, что позволяет ощутить причастность к национальной или религиозной общности. Хотя подобные трансляции не относятся к прямой коммуникации жителей разных временных зон, мы упоминаем их как важный фактор, определяющий темпоральное неравенство столицы и регионов.

Значимой частью исторического контекста исследования стали реформы системы исчисления времени в стране в 2010–2014 гг. В 2010 г. были отменены зоны МСК+1 и МСК+9, в последнюю входили Чукотский автономный округ и Камчатский край. В 2011 г. на всей территории Российской Федерации был прекращен сезонный перевод часов и установлено летнее время. Эти шаги вызвали недовольство во многих регионах, выразившееся в митингах, петициях и коллективных письмах в органы власти всех уровней. В 2012–2014 гг. в Государственной Думе и Правительстве РФ обсуждались различные варианты дальнейшего изменения системы исчисления времени. Итогом этих дебатов стал переход на час назад (прежнее зимнее время) в 2014 г. всех регионов за исключением семи, три из которых были дальневосточными. Камчатский край и Чукотский автономный округ вернулись к до-реформенной разнице с Москвой в девять часов, Магаданская же область, напротив, получила новую семичасовую разницу со столицей, что вызвало протесты колымчан: они направляли коллективные обращения в органы власти, подписывали пети-

ции и активно обсуждали этот перевод в социальных сетях. В апреле 2016 г. регион вернулся к привычной разнице с Москвой (МСК+8, UTC+11). Реформа и реакция на нее показали важность времени для идентичности и локальных практик людей по всей стране.

Технологии мгновенного доступа делают возможным прямое общение между коммуникантами из разных регионов потенциально в любой момент, но вместе с тем привносят в их жизнь и необходимость координироваться во времени для организации взаимодействия. Протяженная территория, высокая централизация принятия решений и многообразии связей между западными и восточными партнерами в России, в свою очередь, задают специфику кросстемпоральной коммуникации на Дальнем Востоке.

Неудобства коммуникации в условиях семи- и восьмичасовой разницы во времени

Степень неудобства коммуникации, учитывающей разницу во времени, зависит от количества часов, разделяющих людей. Сян Цао в своем исследовании взаимодействия членов семей, разбросанных по часовым поясам, показывает, что наиболее удобным является вариант, при котором время отдыха у обоих партнеров совпадает. С этой точки зрения максимальное расхождение в 12 часов парадоксальным образом оказывается удобным, поскольку дает взаимодействующим два “окна синхронной коммуникации”. Разница же в восемь часов, по мнению информантов Цао, является самой неудобной, т.к. “окно синхронной коммуникации” в этом случае всего одно и оно узко: партнер в другой часовой зоне обычно либо работает, либо спит (Cao 2012: 133). Узкое “окно коммуникации” в случае городов Дальнего Востока рождает две основные трудности: откладывание и ожидание связи и внезапные вторжения из другого пояса.

Темпоральные ограничения коммуникации, обусловленные разницей во времени, часто приводят к необходимости ждать синхронное общение как в деловых, так и в личных взаимодействиях. Некоторые рабочие действия должны быть проверены и подтверждены московскими партнерами, без этого шага нельзя перейти к очередному этапу. Если одобрение, например, приходит дальневосточным вечером после окончания рабочего дня, то возобновление процесса будет возможно только на следующее утро, что влияет на планирование деятельности. Особенно болезненно это ощущается сотрудниками, работающими с клиентами в офисе и вынужденными объяснять им задержки:

...заявка, к примеру, там, на кредит — она ушла в ошибку. То есть, соответственно, мы делаем заявку в службу поддержки, и там... очень часто бывает такой ответ: “Ну, ждите, когда Москва проснется”, — то есть ты понимаешь, что ты написал в девять часов утра заявку в службу поддержки, к тебе приходит... придет клиент, сказал: “Я приду к вам в час”, — да, а ты понимаешь, что раньше пяти часов вечера эта проблема решена не будет и, мало того — что вообще может не быть решена сегодня, это может быть и завтра, и послезавтра. И ты дико извиняешься перед клиентом (ПМА М: Вера²).

Как показывают исследования, возможность использовать асинхронную коммуникацию не всегда помогает: чувства отставания и фрустрации из-за непродуктивного ожидания, негативные интерпретации “разрывов” во времени (напр., отсутствие ответов, интерпретируемое как сознательное молчание) — частые явления в географически распределенных командах (Holmstrom et al. 2006; Sarker, Sahay 2004).

В случае дружеской коммуникации необходимость ждать обычно обнаруживает себя через невозможность поделиться эмоциями или впечатлениями в тот момент,

когда они возникают. Этим эффектом некоторые молодые информантки объясняли “охлаждение” отношений с некогда близкими друзьями и подругами, уехавшими в западную часть страны. Для многих интервьюируемых выходом становится использование WhatsApp и имеющейся в нем функции голосовых сообщений, которая позволяет поделиться важным вопреки невозможности немедленной коммуникации. Ожидание и отсроченный характер контакта — одно из самых фрустрирующих следствий разницы во времени, вызывавшее яркие эмоциональные реакции у информантов.

В наших материалах встречаются примеры, которые мы можем назвать вторжением другого часового пояса. В первую очередь сюда относятся внезапные ночные звонки из западных регионов, инициаторы которых забыли про разницу во времени или помнят, но не считают нужным отложить разговор на следующий день.

Был один специалист <...> он вообще невменяемый был. Вот просто... вот ему надо — он звонит. Вот ему какая-то задача поступила — он тут же тебе звонит. Я говорю: “Да я не могу ничего сделать, потому что я дома, ночь, это, Вы меня разбудили”. — “Я не знаю, мне нужно это”. Всё. Я говорю: “Ну, потерпите”. — “Мне сказали”. Ну я говорю: “Знаете, нет. К сожалению. Что мож... Что знаю я, я Вам могу сказать, все остальное выполню только через 2 часа”. Вот. Ну вот такие вот случаи тоже были. Сложно, конечно, очень сложно (ПМА В: Любовь).

Звонки не в ночное время, попадающие в неудобный временной слот распорядка дня, и приветствия, не соответствующие времени суток (“Доброе утро” дальневосточным вечером), поздние сообщения в мессенджерах и электронной почте также могут быть рассмотрены как вторжения другого часового пояса.

Звонить в неудобное время могут самые разные люди; по словам информантов, так поступают даже самые близкие друзья и родственники. Отношение же к подобным неудобным телефонным контактам разнится в зависимости от характера отношений со звонящим: люди более толерантны к коллегам и родственникам и абсолютно нетолерантны к представителям банков или других организаций, обращающимся с рекламными предложениями.

Разнообразные внезапные вторжения, особенно сотрудников компаний, предоставляющих различные услуги, — характерная черта российской жизни в условиях 7–8-часовой разницы во времени, не упоминаемая в других исследованиях. Даже в подробном описании семейной коммуникации Цао подобные случаи рассматриваются как единичные. Эта особенность определяет специфику работы по управлению доступностью на Дальнем Востоке, которая будет рассмотрена ниже. Мы предполагаем, что вторжения из других часовых поясов в российском контексте обусловлены темпоральным неравенством регионов.

Окказиональные подстраивания

Работа по координации во времени может совершаться тактически — через окказиональные подстраивания в ситуациях, когда изменяется “окно коммуникации” или коммуниканты из другого пояса настаивают на синхронном телеприсутствии дальневосточного партнера, и стратегически — в виде спланированного графика и решений о своей темпоральной доступности. Чаще всего окказиональные подстраивания происходят в рабочих контактах. “Окно синхронной коммуникации” с Москвой во Владивостоке и Магадане не превышает двух-трех часов, чего часто бывает недостаточно для эффективного решения текущих вопросов. Увеличение этого промежутка обычно происходит за счет задержек в офисе восточного партнера, что иногда может перерасти в продолжение работы ночью из дома.

АК: А получается, когда вы пересиживали, то насколько? На два часа, на три?

Инф: Ну максимум кто-то в девять подходил, кто-то в десять (МСК. — *Примеч. авт.*), то есть я в шесть-семь часов (МАГ. — *Примеч. авт.*)³ уходила. А вот подруга моя там осталась работать, вот она мне звонила, она в последнюю неделю вообще в восемь-девять часов (МАГ. — *Примеч. авт.*) приходила домой. Она не могла дозвониться до министерства, ни один телефон не отвечает. А ей надо решить вопрос, если она не решит, она по башке получит. Вот она сидит и звонит, звонит. Там никто не берет и не берет. Вот как бы так (ПМА М: Светлана).

В случаях когда восточный партнер — заказчик услуг, как часто бывает с IT-обслуживанием государственных учреждений в Магадане, западная сторона тоже может подстраиваться под коммуникацию, начиная рабочий день раньше. Однако в этом случае, по словам информантов, время выхода на работу — не ранее восьми часов утра (МСК), т.е. “окно коммуникации” увеличивается не больше чем на час, что не всегда достаточно для решения рабочих задач.

В рабочих коммуникациях информанты демонстрируют готовность подстраиваться под партнеров даже тогда, когда их будят ночью.

ММ: Бывало ли так, что Вас ночью будили звонками?

Инф: Конечно, бывало. “Извините, понимаю, что вы спите, [смеются] но нам надо. Нам надо, вопрос неотложный”. Ну что ж. Куда деваться. Начинаю собирать мысль в кучу и... чего-то там писать (ПМА В: Борис).

В семейном и личном общении ocasionальные подстраивания выделить труднее, поскольку они имеют тенденцию рутинизироваться, превращаясь в расписание. Обнаружить подстраивание в общении с друзьями и родственниками можно при сдвиге “окна коммуникации”. В связи с этим примечательно изменение режима дня трех магаданских информантов в возрасте старше 55 лет, чьи дети переехали в московский часовой пояс. Двое — мужчина и женщина, работающие люди, стали ложиться спать рано вечером, около 21–22 часов (МАГ), и вставать рано утром, около 5–6 часов, чтобы поговорить по телефону с детьми, у которых в это время 21–22 часа (МСК). Одна женщина — пенсионерка, напротив, стала ложиться спать около 3 часов ночи и позже (МАГ). Ее сын сообщил, что общается с матерью после окончания своего рабочего дня между 18 и 19 часами (МСК) и, соответственно, 2 и 3 часами ночи (МАГ); ранее она ложилась спать около полуночи. Рассказывая об этих изменениях, информанты не связывают их с переездом детей в московский пояс, однако хронологическое совпадение этого события и сдвига распорядка дня позволяет нам сделать вывод о связи между ними. Ни один из интервьюируемых сознательно не планировал менять свой режим — они просто подстраивались под “окно коммуникации”, удобное для детей, что и вошло у них в привычку.

Окасиональным подстраиванием можно считать и отодвигание сна из-за увлекательной переписки в чатах: “Когда вот с Олей встречались летом, когда переписывались, мы прям до ночи переписывались, в Магадане тогда было пять утра. Мы прям с ней да, до утра переписывались” (ПМА М: Олег).

Вместе с тем в личном общении информанты могут использовать другой вариант подстраивания, когда ритм коммуникации следует условиям разницы во времени; в таких случаях разговор через обмен сообщениями может растягиваться на несколько дней.

Инф: Вот у меня подруга близкая — она уехала туда (в Санкт-Петербург. — *Примеч. авт.*) где-то примерно с полгода назад, — и мы общаемся по ватсапу в основном аудиосообщениями, и это происходит так. Когда-то у нас бывает такое длительное общение, точнее, ну, на несколько дней. <...> Я просыпаюсь, слушаю ее сообщение, которое она сказала вчера. Отправляю ей сообщение, жду 7 часов, она мне отвечает. Ну, вот как-то так (ПМА В: Светлана).

Планирование рабочих и семейных коммуникаций

Один из способов стабилизации рабочего графика при 7–8-часовой разнице во времени — планирование коммуникаций с коллегами из разных часовых поясов на разные слоты рабочего расписания. В первой половине дня человек на Дальнем Востоке, участвующий в подобной коммуникации, решает локальные задачи, во второй — общается с коллегами из московского пояса.

Я говорю, на самом деле вся логистика в... на Дальнем Востоке, все завязаны с Москвой. Как бы там ни было. И у нас как-то вот повелось, что вся работа логистов у них начинается, там, в девять часов утра, заканчивается она где-то в час — оперативная, а с трех часов дня начинается второй цикл работы, когда просыпается Москва. И начинается решение оперативных вопросов уже с москвичами (ПМА В: Борис).

Эти же способы используются при наличии постоянного контакта с коллегами из поясов с маленькой разницей во времени (до четырех часов). В случае одновременной работы с несколькими часовыми зонами в промежутке между утренними локальными задачами и вечерними московскими происходит координация с темпорально близкими западными партнерами (напр. из Новосибирска или Красноярска).

Особенность работы в условиях маленькой разницы во времени — несовпадение обеденного перерыва: когда в Магадане он заканчивается, в Хабаровске или Владивостоке только начинается. В отдельных случаях это может вызывать сдвиг обеда у подчиненной стороны. Так, например, произошло с сотрудниками Магаданского отделения ГУ МЧС, работающих по будням в стандартные рабочие часы, после переподчинения Красноярскому офису (МСК+4) вместо более близкого по времени Хабаровского (МСК+7).

У нас час дня — это обед, они (в Красноярске. — *Примеч. авт.*) только приходят в девять утра на работу. Соответственно у нас сейчас обед переместился, вот у меня обед щас с 2.30 до 4-х. <...> У кого-то, наоборот, с 11 до 12 обед, да, чтобы они... в час дня мы здесь были все, они начинаются с других... [скороговоркой] час дня — у них девять утра. Вот, в чем загвоздка (ПМА М: Андрей).

В экстремальных случаях рабочий график восточной стороны может быть полностью сдвинут. Например, владивостокская IT-компания установила начало рабочего дня на 12 часов, после того, как вышла на московский IT-рынок и часть команды переехала в Москву; системные администраторы стали выходить и в ночные смены.

В семейном и дружеском общении (в сравнении с деловым) темпоральная рас-согласованность ежедневных расписаний ставит перед взаимодействующими еще более сложные задачи по поиску удобных временных слотов, поскольку в этом случае синхронная коммуникация очень важна (Сао 2012). Исследования показывают, что люди часто решают эту проблему, перенося общение на выходные дни (Baldassar 2008: 253–254; Сао 2012: 131). В будни же оно должно быть встроено в существующий рабочий график обеих сторон. В случае 7–8-часовой разницы во времени коммуникация может происходить в следующие промежутки:

1) раннее утро до начала рабочего дня восточного партнера, когда у западного еще только поздний вечер предыдущего дня;

2) поздняя ночь на Дальнем Востоке, после окончания рабочего дня западного партнера.

Отличительной чертой семейных взаимодействий является нечеткое планирование, т.е. ориентация на “окно коммуникации”, а не на точное время, что связано с эмоциональной природой родственных отношений и важностью ощущения добро-

вольности происходящего (Сао 2012: 132). Жители Дальнего Востока могут предпринимать значительные усилия для того, чтобы установить “окно коммуникации” в удобное для их партнера время, как мы уже видели в случае некоторых магаданских родителей, постепенно изменяющих режим дня после переезда детей в московский пояс.

Более молодые информанты планируют свою публикационную активность в социальных сетях с учетом часовой зоны западных партнеров.

Инф. 1: Я просто сама из Москвы, поэтому как бы у меня ежедневная коммуникация [смех].

Соб.: Понятно.

Инф. 1: Вот. <...> У меня уже, как привычка, что в три часа Москва просыпается, ну... И я жду, там, лайков [смех]. Я жду каких-то ответов (ПМА В: Анна).

Инф. 2: Не, просто интересно, есть же такое мнение, что, типа, вот, в инстаграмм надо постить до 11, либо постить до трех. До трех главное что запостить — Москва отлайкает (ПМА В: Нина).

Сознательное варьирование режима сна встречается довольно часто: в рабочих коммуникациях и при необходимости синхронного телеприсутствия на мероприятии в ночное время из-за его ориентированности на аудиторию в московском часовом поясе. Скайп в четыре утра по деловым вопросам воспринимается спокойно.

ММ: Но по работе у Вас не было никогда такого общения, что коллеги или руководители находятся где-то в другом часовом поясе?

Инф.: Ну, это не проблема. <...> Подстраиваешься как бы. Или, допустим, ну, если у Вас какое-то дело... там, контракт [нрзб] или что-то, просто подстраиваетесь под этого человека, либо, там, ну, грубо выражаясь, поспите там два-три часа. Допустим, ну... в четыре часа у Вас... по скайпу, там, связь.

ММ: В четыре часа дня?

Инф.: В четыре ночи.

ММ: В четыре ночи? Связь?

Инф.: Ну, в четыре утра. Да, да, допустим, допустим. Вот, в Ваши четыре часа утра будет связь. <...> То есть, Вы ложитесь пораньше поспать... А потом... закончите разговор и дальше можете поспать. Еще несколько... Но это *не* проблема, говорю (ПМА В: Лена).

Аналогичным образом варьируется режим сна во время онлайн-трансляций крупных спортивных или культурных событий, которые часто проходят в неудобное для Дальнего Востока время. При этом готовность проснуться для того, чтобы посмотреть прямой эфир, не означает, что бодрствование дается безо всяких усилий: рассказы пестрят описаниями попыток не заснуть во время просмотра. Тем не менее эта готовность хорошо иллюстрирует привычность такого способа планирования для наших информантов.

Управление доступностью

Нарушающие распорядок дня коммуникативные действия партнеров, находящихся в других часовых поясах, регулярно напоминают жителям Дальнего Востока об отличии их времени от времени западных регионов и рождают рефлексивное отношение к собственной темпоральной доступности. Главным способом ее регулирования является отключение звука телефона либо перевод его на виброрежим ночью или в определенное время днем, когда может произойти нежелательное вторжение из другого часового пояса. Примечательно, что невыключенный звук на телефоне тоже может быть сознательным выбором, демонстрирующим заботу о партнере в другой временной зоне.

АК: А Вы не отключаете так на ночь? Телефон?

Инф.: Не-а. Ну, мой сын живет в Санкт-Петербурге.

АК: А-а! Понятно.

Инф.: Я просто думаю, что мало ли... какой форс-мажор может быть, [тихо и скороговоркой] тогда позвонит. Ну и вообще люди могут позвонить, знаете... У людей же всякое бывает в жизни. Иногда, может быть, надо всего один звонок сделать, чтобы как-то упростить... жизнь вообще — а я в это время буду недоступен (ПМА М: Алексей).

Другим примером управления доступностью может быть сохранение информации о времени своей последней активности в мессенджерах:

...я не убираю эту тему (в WhatsApp. — *Примеч. авт.*), что когда ты был в последний раз, чтобы видели ребята из ЦРС (локальное обозначение “центральных регионов/районов страны”. — *Примеч. авт.*), что, допустим, стоит ли мне писать в два часа ночи (МАГ. — *Примеч. авт.*), если я там в восемь часов в последний раз вышла. Ну а если в полвторого, то, может быть, я еще не сплю, поэтому да, есть надежда (ПМА М: Алина).

Нежелательные звонки из западных регионов от потенциальных продавцов и покупателей могут быть предотвращены предварительным комментарием к заказу в интернет-магазине или объявлению о продаже. Когда drom.ru — владивостокский сайт по продаже автомобилей и запчастей вышел на рынки сбыта в других часовых поясах, по словам информантов, продавцам из Владивостока стали звонить по ночам. Разработчики сервиса сделали автоматическое предупреждение, обращающее внимание покупателей из западных регионов на то, что на Дальнем Востоке может быть ночь. Люди рефлексивны в отношении своей доступности и в поездках. В отпуске некоторые меняют сим-карту, чтобы им не позвонили в неурочный час уже свои “дальневосточники”, которые не знают, что человек уехал, или забыли про разницу во времени. Управление своей доступностью может реализовываться не только посредством манипуляции со средствами коммуникации. Например, сотрудники одного из магаданских министерств при задержке после рабочего дня для видеоконференцсвязи с Москвой намеренно выключали свет в помещении, чтобы показать людям по ту сторону экрана, что в Магадане уже поздний вечер и пора идти домой.

Регуляция доступности также может осуществляться через фактический контроль времени коммуникации. Поскольку семейные контакты планируются нечетко, одна из сторон должна инициировать конкретное взаимодействие. Наши материалы показывают, что жители Дальнего Востока часто становятся ее инициаторами, либо звоня напрямую, либо сообщая по мессенджеру о появлении возможности для разговора. Собственные ошибки при выборе времени для контакта трактуются как исключение из правил и неосознанное поведение. Попытки же западных партнеров связаться даже в рамках “окна коммуникации” оцениваются как неудачные.

Ну, дочь звонит каждый день практически. Дочь в Питере. Вот. <...> Она работает учителем. Т.е. у нее время позвонить — утром, когда она проснулась, перед школой, пока она собирает ребенка в садик, там, чем-то гремит, где-то вода у нее там бежит, чай какой-то делает, одевается, тут ребенка, значит, строит — и звонит маме, сказать, что все хорошо. Пожалуй, единственное время, когда она может мне позвонить. Потому что дальше у нее уроки, у нее рабочий день. А когда у нее кончается там все, и она может позвонить — я уже сплю. <...> По выходным она может позвонить немножко попозже, и мне это удобнее, потому что ее звонки приходят на такое время, когда я часто бываю занята. <...> И не потому, что она мне мешает, нет, Боже сохрани. Нет, ну, она... Я каждый раз говорю: “Лен [нрзб], ты опять мне звонишь не вовремя”. Она обижается [смеется]: “Как не вовремя, как я могу быть не вовремя?” (ПМА М: Елена).

Рефлексивность в отношении своей доступности — следствие работы по установлению границ в условиях новых технологий связи (*Schwarz et al.* 2000). Эту часть работы Шварц и соавторы называют *islanding*, рассматривая только те моменты, когда человек изолирует себя, чтобы сосредоточиться на профессиональной деятельности или, наоборот, отдохнуть. Нам же кажется более точным говорить об управлении доступностью, это позволяет рассматривать и случаи, когда люди ограничивают ее избирательно — для определенной категории потенциальных коммуникантов. Управление доступностью у владельца смартфона на Дальнем Востоке отличается от аналогичного у жителя московского часового пояса уровнем рефлексии: опыт более частых внезапных вторжений из-за разницы во времени заставляет подходить к этому более осознанно.

Поиск преимуществ разницы во времени

Семи-восьмичасовая разница во времени помимо описанных неудобств предоставляет и ряд преимуществ. Ее можно использовать для оправдания задержки или невыполнения порученной задачи. Так несколько раз поступал, например, магаданский друг — информант АК, когда не откликнулся на ее просьбы. Благодаря разнице во времени жители Дальнего Востока имеют промежутки, когда их точно не побеспокоят из западного часового пояса. Руководитель IT-бизнеса во Владивостоке, который привлекает фриланс-программистов из других зон, любит говорить о преимуществе сотрудников, находящихся в отдаленных часовых поясах: пока одни спят, другие работают и наоборот — распространенная в IT-бизнесе модель *Follow the sun* (*Kroll et al.* 2013).

Информанты из академического сообщества часто говорят о преимуществе дел-лайнов, которые обычно назначаются по времени западных регионов, допустим, для подачи документов или тезисов на конференции; в этом случае у людей на Дальнем Востоке есть дополнительные часы. Или другой пример: торги на Московской межбанковской бирже начинаются в 10 утра (МСК), и наши информанты в отличие от жителей более западных поясов могут посвятить игре на бирже весь вечер, не отвлекаясь от работы — таким образом, у них появляются две независимые активности, приносящие доход. Звонки в западные интернет-магазины по личным делам также можно делать после рабочего дня из дома.

На Дальнем Востоке удобно смотреть прямые эфиры из стран, находящихся в тех же или близких часовых зонах, например из Австралии или Японии. Спортивные трансляции с Запада, пусть и приходятся на ночь, можно смотреть, не отвлекаясь на другие дела: “Ну, это лучше, чем прогулять работу или, там, не иметь возможности посмотреть этот матч. Или смотреть его на работе из-под полы” (ПМА М: Даниил). Пока “Москва спит”, можно более комфортно играть в видеоигры, не требующие командного прохождения, т.к. в виртуальном пространстве одновременно присутствует меньше людей. Онлайн-геймеры также говорят о том, что в день выхода новой игры они успевают собрать больше ограниченных бонусов, пока западные игроки еще не проснулись.

Названные информантами преимущества показывают, что разница между часовыми поясами может не только требовать дополнительной работы по координации во времени для осуществления коммуникации, но и экономить ресурсы в самых разнообразных контекстах и даже принести дополнительную выгоду — временную, символическую или финансовую.

Счет чужого времени

Чтобы понять, каким образом коммуникации между жителями разных часовых поясов встраиваются в расписание, рассмотрим подробнее, какие способы исполь-

зуют люди на Дальнем Востоке для расчета времени в других зонах. Самый популярный ответ при обсуждении этого вопроса: “автоматически”, в уме. Легкость и отсутствие усилий, для того чтобы определить время другого пояса, с которым есть постоянный контакт, часто подчеркиваются в интервью.

ММ: А как Вы вычисляете, сколько там времени?

Инф.: А у меня как-то это вообще, прям, машинально уже идет. И если я, например... ну, я довольно часто летаю в Москву и Петербург. И я тоже как-то сразу перестраиваюсь и примерно автоматически принимаю. Может быть, не точно, я даже иногда забываю, шесть или семь часов разницы. Но... приблизительно вот я знаю, что через семь, и что-то там как-то у меня в голове уже само (ПМА В: Ангелина).

Разница во времени с Москвой, которую информанты считают “автоматически”, может быть использована для определения разницы во времени при контакте с непривычной часовой зоной. Типичные ситуации, в которых это применяется, — новые рабочие или дружеские связи и отпуск: “...от Индии отсчитать московское время и потом отсчитать магаданское” (ПМА М: Татьяна).

“Автоматизм” возникает благодаря знанию распорядка дня партнера, последовательность действий внутри которого служит главным ориентиром при координации. Цао также обнаружил такой способ установления соответствия между разными часовыми зонами у рассматриваемых им семей (Сао 2012: 131); эти наблюдения подкрепляются и прикладными исследованиями разработчиков приложений для кросс-темпоральной коммуникации (Brown et al. 2007). Следующая цитата хорошо иллюстрирует работу этого механизма (курсивом выделены фразы, описывающие распорядок дня восточного партнера по коммуникации, жирным — западного).

ММ: А бывает общение с родственниками?

Инф.: Ну вот у меня конкретно в Москве родственников нет, друзья в Питере... Не очень часто с ними общаюсь. Ну и да, здесь наступает другая проблема. *В тот момент, когда я освободилась с работы и мне удобно побеседовать на какие-то личные темы, у них у всех рабочий день.* И начинается **“Я сейчас не могу, у меня совещание, я тебе перезвоню”**. То есть вот такая тоже есть история, действительно. Проще всего в выходной пообщаться. То есть да, *мы уже так привыкли и знаем, что раньше четырех (ВЛАД. — Примеч. авт.) звонить людям бессмысленно, а в выходной тем более, лучше после шести вечера.* Ну и в будни, конечно, вечером, **если человек прям деловой-деловой, то ему лучше не звонить, потому что у него разгар рабочего дня. Если только под обеденный перерыв подгадывать**, но я обычно как-то не заморачиваюсь. Родственники у меня в Иркутской области, но им как раз легко, потому что *пока ты добрался до дома, минуя все пробки, уже сделал какие-то домашние дела и накормил домашних ужином*, уже как раз можно набрать любимую тетю, потому что она выделит время на то, чтобы поговорить, **она уже тоже из автобуса вышла**, и вот как-то так (ПМА В: Екатерина).

Информантка демонстрирует знание времени в двух часовых поясах, переведенное на язык распорядка дня, и легкость переключения между ними. Такой способ объяснения для проинтервьюированных жителей Дальнего Востока был типичным. Наши материалы показывают, что информанты переключаются обычно от одного времени к другому (от своего времени ко времени своего визави). Это явление наблюдается у тех, кто общается в основном с партнерами из одного (отличного от их собственного) часового пояса.

“Автоматизм” переключения от одной часовой зоны к другой не означает, что вспомогательные средства для счета времени не применяются вообще. Некоторые люди используют циферблат, реальный или воображаемый. В этом случае за основу берут 12-, а не 24-часовой отрезок и не вычитают разницу с более западным поясом, а, наоборот, прибавляют и делают поправку на время суток (Рис. 1). Наши наблюдения здесь согласуются с наблюдениями Цао (Сао 2012: 132–133).

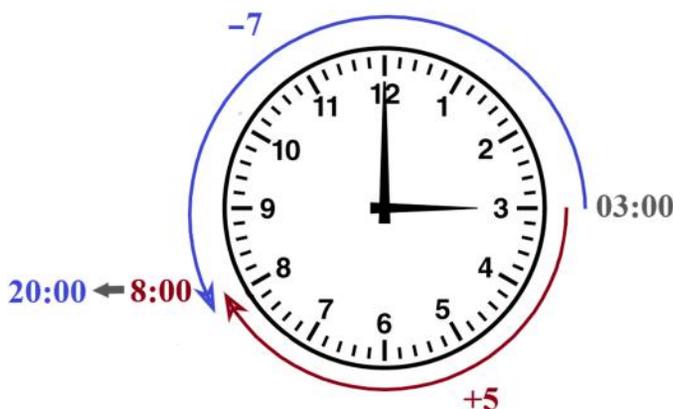

Рис. 1. Способы счета времени с помощью циферблата

Другое вспомогательное средство — калькуляторы времени на смартфоне или на веб-сайтах. Они могут использоваться в ситуациях контакта с новым часовым поясом, чтобы узнать и запомнить разницу с ним. Смартфонные калькуляторы нужны главным образом молодым людям, которые много ездят, причем владивостокские информанты применяют их гораздо чаще магаданских. Есть основания полагать, что это имеет в основном символическое, а не утилитарное значение. Например, у одного интервьюируемого на смартфоне было установлено время Владивостока, где он живет, Москвы, с которой у него, имеющего свой бизнес, постоянный контакт по работе, а также Сеула, куда он недавно ездил на отдых и от которого остался в восторге. Сохранение сеульского времени говорит, скорее, о символической значимости, т.к. нет непосредственной необходимости обращения к нему. Важно отметить, что люди могут комбинировать разные способы счета и использование одного не исключает использование других.

Ошибки даже в определении времени пояса, с которым люди часто контактируют, нередки, однако в них есть закономерность: они обычно не превышают двух часов. Стремление считать в уме и специфика ошибок подтверждают уже сказанное: информантам важно знать не точное время, а, скорее, иметь представление о том, чем партнер в другом поясе занят в этот момент. Отчетливо это показал опыт реформы исчисления времени в Магадане, вызвавший сильную общественную реакцию.

АК: А Вы как обычно: в голове или какое-то приложение на телефоне используете?
 Инф.: Нет, да уже как-то на автомате. Было тяжело, когда было семь часов (разницы с Москвой. — *Примеч. авт.*), вот не могли никак привыкнуть к семи часам. <...> То есть, восемь часов — это знали, что если девять вечера в Магадане, то в Москве это час дня. А семь часов — ну вообще, это просто... все сидели, друг у друга спрашивали, сколько там в Москве? <...> И делали так: восемь часов считали, восемь часов... и отнимали час. То есть, чтобы как-то легче, потому что ну вот почему-то восемь часов просто на автомате у всех, а семь часов, ну вот не могли к нему привыкнуть. Не только я причем (ПМА М: Ольга).

Эта цитата показывает, что в результате реформы магаданцы оказались дезориентированы во времени. Изменение привычной разницы всего на час привело не только к тому, что людям стало сложнее его считать, но и к тому, что они перестали понимать распорядок дня партнера в другом поясе. Реформа выявила и вошедшее в привычку усилие — счет как часть незаметной работы по координации во времени, — прежде ощущаемое как “автоматическое”, нетрудозатратное действие.

Темпоральное неравенство: вместо заключения

Хотя наши материалы не позволяют сравнить незаметную работу по координации во времени, выполняемую жителями Дальнего Востока и их партнерами из более западных регионов, высокая концентрация общественных институтов в центральных районах России дает основания рассматривать случай Владивостока и Магадана как один из примеров пространственного и временного неравенства (Bear 2016). Последнее выражает себя в разнящемся присутствии (в т.ч. визуальном) времени иного часового пояса в пространстве города, а также в изменениях поведения, связанного с координацией во времени, и применении навыка счета времени при попадании в другую часовую зону.

Дальневосточное время визуально не присутствует в пространстве городов других часовых зон, тогда как московское может быть обнаружено по всей стране во множестве разных контекстов. Само обозначение МСК+ в определении времени в регионах, зафиксированное в соответствующем законе (ФЗ 2011) и тиражируемое в документах, отсылает к московскому времени как универсальной для страны точке отсчета. До августа 2018 г. оно использовалось в расписании железнодорожного транспорта на территории всей страны, что обуславливало присутствие на вокзалах часов, показывающих именно его; подобный большой циферблат был размещен и на фасаде железнодорожного вокзала во Владивостоке. Сегодня московское время на Дальнем Востоке может обнаруживать себя на чеке из банкомата, на экране телевизора в кофейне или по радио в такси. Хотя его присутствие в городском пространстве постепенно становится все менее ощутимым (РЖД изменило свою темпоральную политику, банкоматы печатают чеки и с местным временем), оно тем не менее продолжает напоминать о своем центральном положении через вебинары, дедаины и пр.

Большее присутствие московского времени во Владивостоке и Магадане по сравнению с другими российскими часовыми зонами подтверждается и устойчиво воспроизводимой формулой “Москва просыпается”/“Москва спит”: “И у нас вот эта разница часовая, она же тоже влияет на управление, а получается, опять перевели на час, опять восемь часов разница. Москва спит, а мы работаем. Мы ушли, они встали. Понимаете?” (ПМА М: Светлана).

Позиция московского времени как времени “по умолчанию” обнаруживает себя и в часто встречавшихся в интервью астрономически некорректных конструкциях (“прибавлять семь”, “плюс восемь”), тогда как, если следовать движению Солнца (с востока на запад), для вычисления времени на Дальнем Востоке нужно произвести вычитание: “Мы уже привыкли плюс семь прибавлять. Точнее минус семь” (ПМА В: Марина). Эти же конструкции обнаруживаются в обсуждении других западных часовых поясов: например, жительница Магадана родом из Бурятии говорит о разнице с родным регионом “плюс три”, помещая точку отсчета в более западную Бурятию.

Темпоральное неравенство разных временных зон подтверждается и координационным поведением информантов с Дальнего Востока в отношении других дальневосточников при перемещении в другую временную зону. Например, находясь в отпуске, они могут связываться со своими партнерами по коммуникации, не учитывая времени их часового пояса; сравните рефлексию Кристины, переехавшей в Магадан из другого города и раз в год уезжающей в отпуск на малую родину:

Инф: Кстати, магаданцы в этом отношении вообще какие-то абсолютно, такие бестактные, скажем. То есть, **если магаданец в отпуске на материке, он вообще не считает** (выделение наше. — Примеч. авт.). Я не знаю, почему они ничего не считают, они спокойно тебе звонят. <...> Да, и подруга у меня, моя начальница, она же когда приехала в отпуск, она могла спокойно мне позвонить в какое-нибудь такое неурочное

время. Ну, потом извиниться, но... Я не знаю, почему. Это какая-то особенность. **Я то же самое делала в отпуске**, у меня там экстренная была ситуация, у меня кот тут остался, и за ним присматривали, и несколько вот женщин, которые иногда его ходили кормить. **Я им звонила — и мне было пофигу, сколько времени**, ну, потому что... мало ли вдруг тушка-то голодает, не дай бог. <...> **Я извинялась и дальше говорила то, что мне нужно** (ПМА М: Кристина).

Схожие истории о проигнорированной или забытой разнице во времени можно услышать и про бывших магаданцев и владивостокцев, ныне живущих в городах западной части страны, хотя мотив о неопытных экс-земляках остается популярным при обсуждении коммуникации в условиях разницы во времени. Интервью с некоторыми информантами, переехавшими в регионы московской часовой зоны, показывают, что описанные выше навыки счета времени постепенно перестают использоваться, невзирая на необходимость контактировать с родственниками и друзьями, оставшимися на Дальнем Востоке. Перемещение в физическом пространстве-времени оказывается перемещением внутри темпоральной иерархии.

Умение ориентироваться во времени разных часовых поясов не только имеет тенденцию постепенно утрачиваться при перемещении, но и проявляется по-разному применительно к регионам, расположенным к востоку и западу от обсуждаемых городов: время московского или другого привычного западного пояса магаданцы и владивостокцы вычислять легче, чем соседней восточной часовой зоны, о разнице с которой иногда вообще не имеют представления. Так, магаданские информанты, у которых не было непосредственных контактов с Камчаткой и Чукоткой, часто не могли вспомнить разницу с этими регионами, зная, однако, что они находятся восточнее Магадана.

Таким образом, различающаяся представленность времени разных поясов в городском пространстве и западно-восточная темпоральная асимметрия, проявляющаяся в т.ч. и в координационном поведении людей, указывают на пространственно-временное неравенство регионов страны. Последнее, в свою очередь, может приводить к неравному распределению работы по координации во времени между западными и восточными партнерами. При этом сама работа остается незаметной не только для западных, но и для восточных партнеров: рассказы жителей Дальнего Востока о планировании коммуникации, задержках на работе и фрустрирующем ожидании ответа сопровождались попытками депроблематизировать тему разницы во времени — от комментариев вроде “это не проблема” или указаний на редкость этих ситуаций до подчеркивания преимуществ такого положения вещей.

Вместе с тем отношение к темпоральному неравенству у владивостокцев и магаданцев разное. Последние острее реагируют на несвоевременные коммуникативные действия собеседников из других часовых поясов: повышается интонация при рассказе, появляется экспрессивная лексика; для них временная некомпетентность западного партнера служит напоминанием о периферийности города и зависимости от столицы. Рассказы владивостокцев спокойнее: темпоральные промахи обитателей других часовых поясов интерпретируются как сообщение об отличии, которое дает повод для гордости, а не для стыда.

Ну, особенность вот нашего города, его вообще считают таким особенным, самобытным, далеким, каким-то таким неизвестным... ой, как далеко, на краю земли! Там вот это вот все. Такая вот поволока тайны. Сюда мало кто доезжает. И если доезжают — “вау, я добрался до края света!” И поэтому вот этот большой часовой пояс, он как-то тоже прибавляет вот этого вот таинственного шарма. О-о, такая большая разница, вау! То есть вот этой самобытности еще дает городу (ПМА В: Ангелина).

Различие реакций связано с разным восприятием своей темпоральной инаковости, вызванным, в свою очередь, отличием в самоидентификации в отношениях

со столицей. В более зависимом от федеральных дотаций Магадане запад и восток страны описываются в терминах “центр—периферия” (ср. аббревиатуру ЦРС и слово “материк”, используемые для обозначения регионов на западе). Во Владивостоке для этой цели используют географические наименования, не несущие смысловых оттенков подчинения: названия регионов (напр., “Москва”) или обобщенное “запад”. Ощущение владивостокцами себя как живущих в ином, а не в подчиненном поясе подпитывается и более интенсивными контактами с жителями других часовых поясов, в т.ч. и из соседних стран: Китая, Южной Кореи, Японии.

Лаура Бир, делая обзор работ в области антропологии времени, указывает на большой потенциал времени для измерения и критики неравенства, приводя в пример различающиеся по классовым, гендерным и расовым линиям возможности планировать жизнь (Bear 2016: 489). Случай городов Дальнего Востока показывает, как в условиях развития технологий мгновенного доступа политико-географическое неравенство посредством незаметной работы по координации во времени трансформируется в неравенство темпоральное, тем самым обнажая еще одну, по-видимому, специфически российскую линию социального разграничения.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за уделенное время всем дальневосточным собеседникам; за неоценимую помощь в проработке дизайна и проведении исследования Н.П. Рыжовой и М.И. Юшмановой; за помощь в поиске контактов в Магадане Л.Н. Хаховской, А.В. Барбарук, во Владивостоке — И.Ю. Зуенко, А.Д. Турбину; за комментарии к тексту статьи Ю.А. Амадуни, В.В. Васильевой, Н.Б. Вахтину, А.К. Касаткиной, Е.А. Мельниковой, Н.В. Ссорину-Чайкову и участникам антропологического кружка под его руководством; участникам Летней школы FRRESH 2018 г. в Орилампи, семинара “New Perspectives on Russia and Eurasia” Александровского института Хельсинкского университета и Сибирского семинара ЕУСПб, а также Программе развития партнерских центров ЕУСПб за финансирование полевой части проекта. Работа Марии Момзиковой над статьей поддержана программой YRUSH (Young Russian Scholars), фонд KONE.

Примечания

¹ Термин зафиксирован поправкой 2014 г. к Федеральному закону от 03.06.2011 № 107-ФЗ “Об исчислении времени” (“...часовая зона — часть территории Российской Федерации, на которой действует единое время, установленное настоящим Федеральным законом”) и используется для описания российского времени; в качестве точки отсчета принято московское время (МСК-1, МСК+3) (ФЗ 2011). Часовые зоны прямо соотносятся с часовыми поясами в общепринятой системе Всемирного координированного времени (UTC) с разницей в три часа, поэтому в рамках статьи мы будем использовать понятия “часовая зона” и “часовой пояс” как взаимозаменяемые.

² Все имена заменены псевдонимами.

³ Здесь и далее аббревиатуры МАГ, ВЛАД будут обозначать часовые пояса Магадана и Владивостока соответственно.

Источники и материалы

Город 2013 — Город, в котором прибавляют семь // Pikabu. 24.12.2013. https://pikabu.ru/story/gorod_v_kotorom_pribavlyayut_sem_1803087

ПМА В — Полевые материалы М. Момзиковой. Экспедиция во Владивосток, апрель 2017 г. Информанты: Анна (студентка, работник НКО, 33); Нина (работник музея, ок. 30); Ангелина (студентка, флорист, 21); Борис (сотрудник логистической компании, 37); Екатерина (сотрудница оператора мобильной связи, ок. 30); Лена (фрилансер, ок. 30); Любовь (пенсионер, экс-чиновник, 62); Светлана (переводчик, ок. 25).

- ПМА М — Полевые материалы А. Карасевой. Экспедиция в Магадан, март 2017 г. Информанты: Алексей (сотрудник университета, 45); Алина (журналистка, 27); Андрей (сотрудник МЧС, ок. 30); Вера (сотрудница банка, 30); Даниил (IT-специалист госучреждения, 32); Елена (пенсионерка, 62); Кристина (журналистка, ок. 30); Олег (учитель, 28); Ольга (предприниматель, домохозяйка, ок. 35); Светлана (IT-специалист госучреждения, 55); Татьяна (юрист госучреждения, 40).
- Уродов 2016 — Уродов А. “Доброе утро, чат”. Как мессенджеры на Дальнем Востоке заменили людям социальные сети, газеты и институты местного самоуправления // DV.land. 06.06.2016. <https://dv.land/territory/dobroe-utro-chat>
- ФЗ 2011 — Федеральный закон “Об исчислении времени” от 3 июня 2011 г. № 107-ФЗ. М.: Стандартинформ, 2011.

Научная литература

- Алексеев В.Б., Лебедева-Несевря Н.А., Барг А.О., Гасников В.К. Медико-социальные риски десинхронизации административного и астрономического времени в оценках населения регионов России // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. № 5 (27). С. 1–10.
- Бородулина А.С. “Поворот к мессенджерам”: кейс Сахалинской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 156–172.
- Ермолаев А.И. Государственное регулирование суточного времени в России в XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 161–173.
- Захаров С.В. (отв. ред.) Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад. М.: Издательский дом ВШЭ, 2015. С. 296–357.
- Звоновский В.Б. Московское время и российские пространства // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 51–56.
- Никонорова И.В., Казаков Н.А. К вопросу об изменении исчисления времени в Чувашии // Региональные географические и экологические исследования: актуальные проблемы / Гл. ред. О.Е. Гаврилов. Чебоксары: Центр научного сотрудничества “Интерактив плюс”, 2016. С. 279–285.
- Шенк Ф.Б. Поезд в современность: мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М.: НЛЮ; Deutsches Historisches Institut, 2016.
- Adam B. Timescapes of Modernity: The Environment and Invisible Hazards. L.: Routledge, 1998.
- Alzoubi Y.I., Gill A.Q., Al-Ani A. Empirical Studies of Geographically Distributed Agile Development Communication Challenges: A Systematic Review // Information & Management. 2016. Vol. 53 (1). P. 22–37. <https://doi.org/10.1016/j.im.2015.08.003>
- Baldassar L. Missing Kin and Longing to be Together: Emotions and the Construction of Co-Presence in Transnational Relationships // Journal of Intercultural Studies. 2008. Vol. 29 (3). P. 247–266. <https://doi.org/10.1080/07256860802169196>
- Barak O. On Time: Technology and Temporality in Modern Egypt. Berkeley: University of California Press, 2013.
- Bear L. Time as Technique // Annual Review of Anthropology. 2016. Vol. 45. P. 487–502. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102313-030159>
- Birth K.K. Time and the Biological Consequences of Globalization // Current Anthropology. 2007. Vol. 48 (2). P. 215–236.
- Birth K.K. Time Blind. Cham: Springer International Publishing, 2017. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-34132-3>
- Brown B., Taylor A.S., Izadi Sh., Sellen A., Kaye J.J., Eardley R. Locating Family Values: A Field Trial of the Whereabouts Clock // International Conference on Ubiquitous Computing / Ed. J. Krumm, G.D. Abowd, A. Seneviratne, T. Strang. Berlin: Springer, 2007. P. 354–371.
- Burrell K. Time Matters: Temporal Contexts of Polish Transnationalism // Transnational Ties: Cities, Migrations, and Identities / Ed. M.P. Smith, J. Eade. New Brunswick: Transaction Publishers, 2008. P. 15–38.
- Cao X. Connecting Families across Time Zones // Connecting Families: The Impact of New Communication Technologies on Domestic Life / Ed. C. Neustaedter, S. Harrison, A. Sellen. L.: Springer, 2012. P. 127–139.

- Edensor T.* Reconsidering National Temporalities: Institutional Times, Everyday Routines, Serial Spaces and Synchronicities // *European Journal of Social Theory*. 2006. Vol. 9 (4). P. 525–545. <https://doi.org/10.1177/1368431006071996>
- Harvey A.S., Macnab P.A.* Who's Up? Global Interpersonal Temporal Accessibility // *Information, Place, and Cyberspace: Issues in Accessibility* / Ed. D.G. Janelle, D.C. Hodge. Berlin: Springer, 2000. P. 147–170. https://doi.org/10.1007/978-3-662-04027-0_9
- Hassid J., Watson B.C.* State of Mind: Power, Time Zones and Symbolic State Centralization // *Time & Society*. 2014. Vol. 23 (2). P. 167–194. <https://doi.org/10.1177/0961463X14521489>
- Holmstrom H., Conchúir E.Ó., Agerfalk J., Fitzgerald B.* Global Software Development Challenges: A Case Study on Temporal, Geographical and Socio-Cultural Distance // *International Conference on Global Software Engineering (ICGSE'06)*. 2006. P. 3–11.
- Kroll J., Hashmi S.I., Richardson I., Audy N.* A Systematic Literature Review of Best Practices and Challenges in Follow-the-Sun Software Development // *Global Software Engineering Workshops (ICGSEW), 2013 IEEE 8th International Conference on Global Software Engineering Workshops*. 2013. P. 18–23.
- Nadeem Sh.* The Uses and Abuses of Time: Globalization and Time Arbitrage in India's Outsourcing Industries // *Global Networks*. 2009. Vol. 9 (1). P. 20–40.
- Nguyen-Duc A., Cruzes D.S., Conradi R.* The Impact of Global Dispersion on Coordination, Team Performance and Software Quality — A Systematic Literature Review // *Information and Software Technology*. 2015. Vol. 57. P. 277–294.
- Rau H.* Time Divided — Time United? Temporal Aspects of German Unification // *Time & Society*. 2002. Vol. 11 (2–3). P. 271–294.
- Reese N.* “We Are Living in a Different Time Zone”: Transnational Working Places and the Concept of a “Glocalised Intermediary Class” // *Austrian Journal of South-East Asian Studies*. 2008. Vol. 1 (2). P. 34–58.
- Sarker S., Sahay S.* Implications of Space and Time for Distributed Work: An Interpretive Study of US-Norwegian Systems Development Teams // *European Journal of Information Systems*. 2004. Vol. 13 (1). P. 3–20.
- Schwarz H.J., Nardi B., Whittaker S.* The Hidden Work in Virtual Work / Program in Science, Technology, and Society. Working paper #30. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology, 2000.
- Tang J.C., Zhao Ch., Cao X., Inkpen K.* Your Time Zone or Mine? A Study of Globally Time Zone-Shifted Collaboration // *Proceedings of the ACM 2011 Conference on Computer Supported Cooperative Work*. 2011. P. 235–244.
- Wishnitzer A.* *Reading Clocks, Alla Turca: Time and Society in the Late Ottoman Empire*. Chicago: University of Chicago Press, 2015.
- Yu H., Shaw Sh.-L.* Revisiting Hägerstrand's Time-Geographic Framework for Individual Activities in the Age of Instant Access // *Societies and Cities in the Age of Instant Access* / Ed. H.J. Miller. Berlin: Springer, 2007. P. 103–118.
- Zerubavel E.* *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. Los Angeles: University of California Press, 1985.

Research Article

Karaseva, A.I., and M.P. Momzikova. Time Zones and Synchronous Telecommunications: The Hidden Work on Temporal Coordination among Citizens of the Far East of Russia [Chasoye poiasa i sinkhronnye telekommunikatsii: nezametnaia rabota po temporal'noi koordinatsii u gorozhan Dal'nego Vostoka Ros-sii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 3, pp. 42–61. <https://doi.org/10.31857/S086954150005295-4> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Asya Karaseva | <https://orcid.org/0000-0001-9208-9142> | akaraszyova@eu.spb.ru | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya St., St. Petersburg, 191187, Russia)

Maria Momzikova | <https://orcid.org/0000-0003-0066-5937> | mmomzikova@eu.spb.ru | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya St., St. Petersburg, 191187, Russia)

Keywords

time zones, synchronous telecommunications, coordination in time, hidden work, Vladivostok, Magadan, Far East, Russia

Abstract

The article describes the hidden work on coordination in time, performed by residents of two Russian cities — Vladivostok (UTC+10) and Magadan (UTC+11) — to communicate with inhabitants of the western regions of the country, mostly located in the Moscow time zone (UTC+3), in conditions of a narrow “communication window” due to the time difference. We analyze communication-related time practices of the Far-Easterners such as planning of daily routines, managing availability for communication, occasional adjustment and counting of time of another time zone. We consider these practices to be a hidden work on coordination in time produced by the development of telecommunications. We conclude with the hypothesis of unequal distribution of this hidden work between easterners and westerners occurring due to spatiotemporal inequality of regions within the context of high centralization of institutions and extensive geography of Russia.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [18-05-6010825]

References

- Adam, B. 1998. *Timescapes of Modernity: The Environment and Invisible Hazards*. London: Routledge.
- Alekseev, V.B., N.A. Lebedeva-Nesevria, A.O. Barg, and V.K. Gasnikov. 2012. Mediko-sotsial'nye riski desinkhronizatsii administrativnogo i astronomicheskogo vremeni v otsenkakh naseleniia regionov Rossii [Medical and Social Risks of Desynchronization of Administrative and Astronomical Time by Means of Evaluation of Population in Russian Regions]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ia naseleniia* 5 (27): 1–10.
- Alzoubi, Y.I., A.Q. Gill, and A. Al-Ani. 2016. Empirical Studies of Geographically Distributed Agile Development Communication Challenges: A Systematic Review. *Information & Management* 53 (1): 22–37. <https://doi.org/10.1016/j.im.2015.08.003>
- Baldassar, L. 2008. Missing Kin and Longing to be Together: Emotions and the Construction of Co-Presence in Transnational Relationships. *Journal of Intercultural Studies* 29 (3): 247–266. <https://doi.org/10.1080/07256860802169196>
- Barak, O. 2013. *On Time: Technology and Temporality in Modern Egypt*. Berkeley: University of California Press.
- Bear, L. 2016. Time as Technique. *Annual Review of Anthropology* 45: 487–502. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102313-030159>
- Birth, K.K. 2007. Time and the Biological Consequences of Globalization. *Current Anthropology* 48 (2): 215–236.
- Birth, K.K. 2017. *Time Blind: Problems in Perceiving Other Temporalities*. Cham: Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-34132-3>
- Borodulina, A.S. 2018. “Povorot k messendzheram”: keis Sakhalinskoi oblasti [Messenger Turn: A Sakhalin Oblast Case Study]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 1: 156–172.
- Brown, B., A.S. Taylor, Sh. Izadi, A. Sellen, J.J. Kaye, and R. Eardley. 2007. Locating Family Values: A Field Trial of the Whereabouts Clock. In *International Conference on Ubiquitous Computing*: 354–371. Berlin: Springer.
- Burrell, K. 2008. Time Matters: Temporal Contexts of Polish Transnationalism. In *Transnational Ties: Cities, Migrations, and Identities*, edited by M.P. Smith and J. Eade, 15–38. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Cao, X. 2012. Connecting Families across Time Zones. In *Connecting Families: The Impact of New Communication Technologies on Domestic Life*, edited by C. Neustaedter, S. Harrison, and A. Sellen, 127–139. London: Springer.
- Edensor, T. 2006. Reconsidering National Temporalities: Institutional Times, Everyday Routines, Serial Spaces and Synchronicities. *European Journal of Social Theory* 9 (4): 525–545. <https://doi.org/10.1177/1368431006071996>

- Ermolaev, A.I. 2016. Gosudarstvennoe regulirovanie sutochnogo vremeni v Rossii v XX v. [State Regulation of Day Time in Russia in 20 Century]. *Rossiiskaia istoria* 5: 161–173.
- Harvey, A.S., and P.A. Macnab. 2000. Who's Up? Global Interpersonal Temporal Accessibility. In *Information, Place, and Cyberspace: Issues in Accessibility*, edited by D.G. Janelle and D.C. Hodge, 147–170. Berlin: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-662-04027-0_9
- Hassid, J., and B.C. Watson. 2014. State of Mind: Power, Time Zones and Symbolic State Centralization. *Time & Society* 23 (2): 167–194. <https://doi.org/10.1177/0961463X14521489>
- Holmstrom, H., E.Ó. Conchúir, J. Agerfalk, and B. Fitzgerald. 2006. Global Software Development Challenges: A Case Study on Temporal, Geographical and Socio-Cultural Distance. In *IEEE International Conference on Global Software Engineering (ICGSE'06)*, 3–11.
- Kroll, J., S.I. Hashmi, I. Richardson, and N. Audy. 2013. A Systematic Literature Review of Best Practices and Challenges in Follow-the-Sun Software Development. In *Global Software Engineering Workshops (ICGSEW), 2013 IEEE 8th International Conference on Global Software Engineering Workshops*: 18–23.
- Nadeem, Sh. 2009. The Uses and Abuses of Time: Globalization and Time Arbitrage in India's Outsourcing Industries. *Global Networks* 9 (1): 20–40.
- Nguyen-Duc, A., D.S. Cruzes, and R. Conradi. 2015. The Impact of Global Dispersion on Coordination, Team Performance and Software Quality — A Systematic Literature Review. *Information and Software Technology* 57: 277–294.
- Nikonorova, I.V., and N.A. Kazakov. 2016. K voprosu ob izmenenii ischisleniia vremeni v Chuvashii [The Study of Transformation of Time Keeping in Chuvashia]. In *Regional'nye geograficheskie i ekologicheskie issledovaniia: aktual'nye problemy* [Regional Geographical and Ecological Researches: Actual Problems], edited by O.E. Gavrillov, 279–285. Cheboksary: Tsentr nauchnogo sotrudnichestva "Interaktiv plus".
- Rau, H. 2002. Time Divided — Time United? Temporal Aspects of German Unification. *Time & Society* 11 (2–3): 271–294.
- Reese, N. 2008. "We are Living in a Different Time Zone": Transnational Working Places and the Concept of a "Glocalised Intermediary Class". *Austrian Journal of South-East Asian Studies* 1 (2): 34–58.
- Sarker, S., and S. Sahay. 2004. Implications of Space and Time for Distributed Work: An Interpretive Study of US-Norwegian Systems Development Teams. *European Journal of Information Systems* 13 (1): 3–20.
- Schwarz, H.J., B. Nardi, and S. Whittaker. 2000. *The Hidden Work in Virtual Work. Program in Science, Technology, and Society. Working paper #30*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology.
- Shenk, F.B. 2016. *Poezd v sovremennost': mobil'nost' i sotsial'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznykh dorog* [Train to Modernity: Mobility and Social Space in Russia in the Age of Railroads]. Moscow: NLO; Deutsches Historisches Institut.
- Tang, J.C., Ch. Zhao, X. Cao, and K. Inkpen. 2011. Your Time Zone or Mine? A Study of Globally Time Zone-Shifted Collaboration. In *Proceedings of the ACM 2011 Conference on Computer Supported Cooperative Work*, 235–244.
- Wishnitzer, A. 2015. *Reading Clocks, Alla Turca: Time and Society in the Late Ottoman Empire*. Chicago: University of Chicago Press.
- Yu, H., and Sh.-L. Shaw. 2007. Revisiting Hägerstrand's Time-Geographic Framework for Individual Activities in the Age of Instant Access. In *Societies and Cities in the Age of Instant Access*, edited by H.J. Miller, 103–118. Berlin: Springer.
- Zakharov, S.V., ed. 2015. *Naselenie Rossii 2013: dvadtsat' pervyi ezhegodnyi demograficheskii doklad* [Population of Russia 2013: Twenty First Annual Paper in Demography]. Moscow: Izdatel'skii dom VShE.
- Zerubavel, E. 1985. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. Los Angeles: University of California Press.
- Zvonovskii, V.B. 2010. Moskovskoe vremia i rossiiskie prostranstva [Moscow Time and Russian Spaces]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 9 (3): 51–56.